

XX Всероссийская олимпиада школьников по литературе. 2015 год

Задания заключительного этапа

9 класс

I тур

Проведите целостный анализ текста (прозаического или стихотворного – на выбор)

Андрей Степанов

Руководство по наблюдению кучевых облаков

Жизнь имеет смысл, только если человек лежит в траве и смотрит в небо. Желательно, чтобы это было на берегу реки. Также желательно иметь в зубах травинку.

В одном городе был белый собор. Он стоял на самом берегу, высоко на холме, в окружении приземистых старинных построек жёлтого цвета. Разговаривать с этими классическими старцами собору было не о чем: они только и делали, что вспоминали те времена, когда выше них в городе никого не было, да ругали собак и машины, от которых становились всё желтее и желтее. Поэтому собор беседовал с облаками. А облака в этом городе были особенные — мощно-кучевые, белые и огромные. Они громоздились до самого неба, а их слои и струи слоились и струились, принимая удивительные формы. Правда, формы эти быстро менялись — а вместе с ними и характеры облаков.

— Доброе утро! — обращался только что проснувшийся собор к добродушному носатому фламандцу, наплывавшему на него со стороны восхода.

— Добрейшее! — хохотал фламандец, распахивая толстенные ручки для объятий. — Душ, душ, душ, и никакие протесты не принимаются!

— Конечно, конечно, самое время, — охотно соглашался собор.

— Как славно жить в мире и помогать друг другу! — радовался фламандец, пуская первую струю.

— Да чем же я-то вам помогаю?

— А вы думаете, легко таскать по небу такое брюхо? А теперь оно меньше, меньше, меньше...

Собор еле успевал отфыркнуться всеми водосточными трубами, а никакого фламандца уже и в помине не было. На его месте болтался тощий джинн с узкой головой, словно только что выпущенный из бутылки кока-колы.

— Так. Выполняю желания в течение трёх секунд! — объявлял джинн. — Думать некогда, быстренько решайте, что вам нужно от жизни! Время пошло. Раз...

Вопрос был серьёзный, и собор всё-таки морщил купол в задумчивости, а тем временем джинн, закинув бороду за плечо, превращался в небольшого ангела в хитоне.

— Тяжело вам, наверное, всё на одном месте стоять? — сочувствовал ангел.

— Да уж, не весело, — вздыхал собор. — Но зато есть, знаете ли, некоторая стабильность...

Кому это он говорит о стабильности? Ангел давно исчез, и на его месте чистое небо.

«И вот так, — думал собор, — будет всю жизнь. Ни одного друга, только случайные знакомые. Сколько их уже было! Мне и половины не упомнить. А как бы мне хотелось иметь постоянного собеседника... Вот взять фабричные трубы: у них есть свой постоянный дым. Грязный, удушливый, безусловно вредный, но свой. Почти семья. А у меня никого нет и никогда не будет, один только звон».

И собор вздыхал так тяжело, что его колокола вздрагивали и начинали гудеть, а люди, слыша это, принимались сочувственно втекать ему внутрь.

«Ну что ж, пора за дело», — думал собор. Он любил свою несложную работу: открывать и закрывать двери, запускать гулкое эхо при песнопениях и осторожно подпевать органу. Слух у него был абсолютный, но голос тяжеловатый.

В пять вечера над ним пролетал самолёт.

— Ну, как там в Бомбее? — интересовался собор.

— Забомбеить бы его, — каламбурил старый боинг. — Жарко, душно и ни одной родной души.

— Устал?

— Устал. В ангар бы поскорее. И маслица мне, маслица...

— Слушай, а это трудно — летать?

— Летать не трудно, а скучно. Особенно если внизу ни черта не видно. Но ты, браток, извини, спешу я, завтра поболтаем, ладно?

— Ну, пока, пока.

Поздно вечером его закрывали и оставляли наедине с грустными мыслями. Он никак не мог заснуть и считал в небе молчаливых слонов почти до самого утра. А зимой и вовсе было не с кем поговорить, потому что облачность становилось тяжёлой, густой и бесформенной, как на Юпитере. Собор принимался перебирать прошлое, но и оно было туманным. С трудом вспоминалось, как его строили, как освящали. А потом потянулась долгая череда дней, заполненных службой и беседами с мимолётными облаками. За всю свою жизнь он мог припомнить не больше десятка особенных дней: редкие северные сияния, несколько рок-конcertов на площади да ещё жемчужно-голубые светящиеся облака, которые за сто лет жизни ему довелось видеть всего три раза.

Жёлтые старцы его ругали:

— Ты, брат, витаешь в облаках. Ты, брат, предаёшься несбыточным мечтам, не замечая окружающие тебя культурные ценности. Не соборное это

дело, несерьёзное, не тем у тебя купол занят. Все к тебе с уважением относятся, иностранцы приезжают на нас с тобой посмотреть.

— Беседовать с облаками — самое серьёзное дело, — возражал собор.

— Это ещё почему?

— Да потому, что мы с вами вечные, а у них каждая минута последняя. Им тоже поговорить хочется.

— Он совсем свихнулся, — вздыхали старцы. — С мёрзлым паром разговаривает.

— Да пошли вы все! — сердился, наконец, собор. — Наплевать мне на вас с четырёх колоколен!

— Эх, ты! А еще кафедральный. Ты бы о Боге подумал!

На это собор ничего не отвечал. Отношения с Богом у него были сложные. С одной стороны, кафедральное положение, конечно, обязывало верить. А с другой — в небе всё так быстро менялось, что собор чувствовал: никакому Богу там всё равно не удержаться. Поэтому, чтобы не запутаться, он предпочитал совсем не думать о вечном. Его купол был заполнен только воздухом и светом, и лишь изредка туда залетала какая-нибудь шальная ласточка и проносилась быстро, как мысль, от окна к окну.

Но однажды осенью случилось нечто необычайное.

Накануне вечером он простудился. День был холодный, с самого утра дул пронзительный ветер, потом небо обложило, и стал накрапывать дождь. Собору нездоровилось, у него поднялась температура, запотели стекла, заныли старые трещины, и ближе к ночи он стал бредить. Вся облачная жизнь пошла кувырком. То ему чудился профиль дамы в шляпке, и он кричал: «Мадам, подождите секундочку!» — но вместо мадам в небе, раскинув руки, падал безголовый актер. То усатый лопухий дьявол с длинной шеей тащил за собой огромное туловище цвета гангрены. Пролетал самолёт с отрывающимся хвостом, кричал: «Всех забомбею!» — но тут же исчезал, и на его месте ещё долго тянулся хвост без самолёта.

Ночь прошла без сна, а перед самым рассветом собор вдруг увидел, что с запада тяжело наползает гигантская чёрная туча — такая высокая, что, казалось, по ней можно было забраться на самую вершину неба. Что-то в этой туче казалось очень знакомым, хотя собор и понимал краем купола, что знакомых туч не бывает.

Туча подползала всё ближе и ближе и, наконец, остановилась прямо над ним. Рта у неё не было, но где-то посередине было прорезано два длинных недобрых глаза. Сквозь прорези выглянула пара солнечных лучей, но, увидев, как внизу всё серо, лучи переглянулись и спрятались обратно.

И тут собор вздрогнул. Он понял: туча в точности повторяла форму его, собора. Только он был белый, а она — совершенно чёрная. Он вспомнил, как одно облачко рассказывало ему, что над озёрами в жаркий день иногда висят облака точнехонько по форме озера.

«Наверное, я всё ещё брежу», — подумал собор, а потом спросил вслух:

— Ты кто?

В ответ туча громыхнула так, что у собора заложило трубы. С диким ором рванули вверх вороны, чернившие купол. Они неслись к туче, но на полпути вдруг чего-то испугались и так же внезапно всей стаей ринулись в сторону.

И тут полыхнуло огнём. Небо превратилось в собственный негатив, а озарённый собор почувствовал, что сейчас случится что-то непоправимое.

И действительно, в следующее мгновение он содрогнулся от страха всеми колоннами: прямо в его купол впиалась молния. Она ударила и замерла: разряд длился и длился, а собор жадно впитывал его до тех пор, пока внутри у него не стал разгораться ответный пожар.

Одна за другой, как свечи, вспыхнули все четыре колокольни. От главного купола винтом уходил вверх густой чёрный дым, сливаясь с тучей. Туча росла на глазах и уже, казалось, накрыла весь город.

«Вот, — думал собор, разгораясь, — сейчас весь мой дым поднимется к туче, от меня ничего не останется, я сам стану тучей, я стану самой большой в мире тучей, а потом ударю с такой же силой о землю, прольюсь дождём, и так кончится моя жизнь».

С грохотом рушились перекрытия. Огонь перекидывался на жёлтых старцев, в городе разгорался ночной пожар. Люди внизу в панике носились взад-вперёд, не зная, что делать. А потом рухнул купол.

Верховой ветер, который дует среди облаков, начал уносить гигантскую тучу в море. Не было видно ничего, кроме звёздного неба наверху и тёмного моря внизу.

— Кто же я теперь? — думал бывший собор, ставший тучей. — На что я похож? Похожа? Похоже? Я не знаю.

Он с каждой секундой набирался электричества и становился грозovým. Им овладело чувство новой силы, и он жадно вбирал в себя попадавшуюся на пути мелкую облачную россыпь. Он чувствовал, как в нём копится заряд, зреет новая молния. И вдруг в один миг чернота вокруг стала ослепительно белой. Это была его первая молния. За ней последовала вторая, третья, потом ещё. Поливая огнем и водой притихшее море, чёрная туча неслась, теряя себя, сама не зная куда.

* * *

Он очнулся над морем в ясном синем небе и, оглядев самого себя, понял, что от него осталось только небольшое облачко тёмно-серого цвета. Рядом маячило белое облако чуть побольше, похожее на ангела.

— Привет, заяц! — радостно приветствовал его ангел. — Нам по пути, да?

— А... где мы? Ой, не приближайтесь, пожалуйста, а то вы со мной сольётесь!

— Да я и не собираюсь. Больно надо! Что я, зайцем никогда не был, что ли?..

— Почему зайцем?

— Да потому что ты сейчас заяц серый, разве ты не чувствуешь?

Бывший собор прислушался к себе и обнаружил, что внутри у него всё ещё гнездится страх. Но он решил не подавать виду: заяц так заяц — теперь ему было всё равно, кто он такой.

— А где мы летим? — спросил он у ангела.

— Уже залив перелетели. Видишь шпиди? Значит, город совсем близко. Я там ещё никогда не был.

— А я тем более. Слушай, а ты знаешь, ты уже не ангел!

— Ну и ладно. Я теперь, должно быть, горный орёл, — беззаботно отвечал бывший ангел. — То есть сейчас буду. А вот ты уже совсем ни на что не похож. Так, клякса серая. Боишься, что ли?

— Нет. То есть уже меньше боюсь, — отвечал бывший заяц, следя за тем, как на горизонте добродушный волк превращается в добродушного медведя. — А знаешь что? Поплыли вон к тому важному собору, поболтаем?

— Это ещё зачем?

— Ну, так. Наверно, скучно старику.

— Ну, давай, — согласился временный орёл. — Только ты форму прими какую-нибудь, а то смотреть противно. Да не бойся, это не больно.

— А я уже не боюсь. Сейчас попробую... Вот, например, толстый такой фламандец подойдет?

— Угу. Только тебе одному не потянуть. Тощий ты.

— А что делать?

— Сливаться надо.

— Ну так давай!

* * *

В одном городе был островерхий собор. Он стоял на берегу залива, у самой воды, в окружении старинных построек жёлтого цвета. Разговаривать с этими старцами собору было не о чем, и потому он беседовал с облаками.

— Доброе утро! — обращался только что проснувшийся собор к добродушному носатому фламандцу, наплывавшему на него со стороны востока.

— Добрейшее! — хохотал фламандец, распахивая толстенные ручки для объятий. — Душ, душ, душ, и никакие протесты не принимаются!

2008

Андрей Дмитриевич Степанов (род. в 1965 г.) — доктор филологических наук, литературовед, писатель, переводчик. Автор книги «Проблемы коммуникации у Чехова» (2005), сборника «Сказки не для людей» (2009) и романа «Эликсир князя Собакина» (2011, в соавторстве с О. Лукас). «Руководство по наблюдению кучевых облаков» — одна из десяти сказок указанного сборника.

Белла Ахмадулина

Игры и шалости

Мне кажется, со мной играет кто-то.
Мне кажется, я догадалась — кто,
когда опять усмешливо и тонко
мороз и солнце глянули в окно.

Что мы добавим к солнцу и морозу?
Не то, не то! Не блеск, не лёд над ним.
Я жду! Отдай обещанную розу!
И роза дня летит к ногам моим.

Во всём ловлю таинственные знаки,
то след примечу, то заслышу речь.
А вот и лошадь запрягают в санки.
Коль ты велел — как можно не запречь?

Верней — коня. Он масти дня и снега.
Не всё ль равно! Ты знаешь сам, когда:
в чудесный день! — для усиления бега
ту, что впрягли, ты обратил в коня.

Влетаем в синеву и полыханье.
Перед лицом — мах мощной седины.
Но где же ты, что вот — твоё дыханье?
В какой союз мы тайный сведены?

Как ты учил — так и темнеет зелень.
Как ты жалел — так и поют в избе.
Весь этот день, твоим родным изделием,
хоть отдан мне, — принадлежит Тебе.

А ночью — под угрюмо-голубою,
под собственной твоей полулуной —
как я глупа, что плачу над тобою,
настолько сущим, чтоб шалить со мной.
1 марта 1981, Таруса

Белла (Изабелла) Ахатовна Ахмадулина (1937—2010) — поэт, переводчик, одна из самых популярных авторов-шестидесятников. Выпустила сборники стихов «Струна» (1962), «Уроки музыки» (1970), «Свеча» (1977), «Тайна» (1983), «Сад» (1989) и др. В творчестве Ахмадулиной большое место занимали поэтические и прозаические размышления о Пушкине и Лермонтове.